

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ *RUSSIAN CIVILIZATION*

Ленинизм и советская цивилизация (к 150-летию со дня рождения В.И. Ленина)

Ю.А.НИСНЕВИЧ*
А.В.РЯБОВ**

*НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич – профессор, доктор политических наук, профессор департамента политики и управления Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: jnisnevich@hse.ru.

**РЯБОВ Андрей Виленович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул. д. 23. E-mail: andreyr@imemo.ru.

В статье рассматривается вопрос о влиянии ленинизма на формирование существовавшей в СССР общественной системы. Они понимают эту систему как особую советскую цивилизацию. Ее отличали не только социально-экономический и политический строй, основанный на государственной экономике и монополии коммунистической партии на власть, но и декларируемая система ценностей, которая должна была определить отношения индивида с окружающим миром и обществом. Этими ценностями были провозглашены равенство, свобода, братство и счастье. В. Ленин полагал, что освобождение людей от частнокапиталистической эксплуатации само по себе приведет к созданию общества всеобщего счастья, основанного на свободном и творческом труде, социальном равенстве и солидарности свободных людей. Однако, столкнувшись с неготовностью общества принять его социальный идеал, с проблемами, обусловленными социальной и культурной отсталостью России, он пересмотрел свои прежние позиции и сделал ставку на государственное насилие. Ленин увидел в нем единственный способ построения общества всеобщего счастья. Это и стало одной из причин провала проекта новой цивилизации. Провозглашенные ценности так и не были воплощены на практике. Другая причина того, что эти ценности превратились в свою противоположность, заключалась в несостоятельности, утопичности самого проекта советской цивилизации.

Ключевые слова: ленинизм, советская цивилизация, насилие, коллективизм, свобода, счастье, советский человек.

DOI: 10.31857/S086904990010073-2

Цитирование: Нисневич Ю.А., Рябов А.В. (2020) Ленинизм и советская цивилизация (к 150-летию со дня рождения В.И. Ленина) // Общественные науки и современность. № 3. С. 112–123. DOI: 10.31857/S086904990010073-2

Leninism and Soviet Civilization (on the 150th Anniversary of the Birth of V.I. Lenin)

*YULIY A. NISNEVICH**

*ANDREY V. RYABOV***

***Yuliy A. Nisnevich** – Full professor, Dr.Sci. (Pol.Sci.), professor, Department of Politics and Governance, National Research University Higher School of Economics. Address: 20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: jnisnevich@hse.ru

****Andrey V. Ryabov** – Ph. D. (Histor.Sci), lead researcher at Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Address: 23, Profsoyuznaya st., Moscow 117997, Russian Federation. E-mail: andreyr@imemo.ru

Abstract. In the article authors consider influence of Leninism on formation of the social system existed in the USSR. They interpret this system as a special Soviet civilization. It was distinguished not only by socio-economic and political order based on state owned economy and the Communist party's monopoly on power but declared value system, which had to determine the individual's relationship with surrounding world and society. These values were proclaimed equality, liberty, fraternity and universal happiness. Lenin believed that the liberation of the people from private capitalist exploitation would itself lead to creation of a society of universal happiness based on free creative work, social equality and solidarity of free people. However, when faced with unwillingness of society to accept his social ideal, with problems caused by social and cultural backwardness of Russia, Lenin revised his previous positions. He made a bid on a state violence. Lenin began to see it as the only way to build a society of universal happiness. This was one of the reasons for the failure of the new civilization project. The declared values were never put into practice. Another reason why these values turned into their opposite was the failure and utopianism of the project of Soviet civilization itself.

Keywords: leninism, soviet civilization, violence, collectivism, liberty, happiness, soviet man.

DOI: 10.31857/S086904990010073-2

Citation: Nisnevich Yu.A., Ryabov A.V. (2020) Leninism and soviet civilization (on the 150th anniversary of the birth of V.I. Lenin). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 112–123. DOI: 10.31857/S086904990010073-2 (In Russ.)

“Сон разума рождает чудовищ”

испанская поговорка

Советская цивилизация в развитом виде сложилась уже после смерти ее основателя – В. Ульянова (Ленина), которого в годы социализма официально провозгласили продолжателем дела К. Маркса, развившим его учение применительно к эпохе империализма и пролетарских революций [*Сталин* 1946, с. 71] и сохранившим претензии марксизма на то, чтобы быть универсалистской концепцией современного всемирно-исторического процесса. В постсоветские времена наряду с этой стала популярной и иная интерпретация ленинизма, сформировавшаяся в среде его политических противников периода революции, а затем развитая в трудах многих русских мыслителей-эмигрантов. Согласно этой точке зрения, ленинизм представлял собой русскую национальную форму марксизма, на которую большое влияние оказали различные направления идеологии народничества. Такую интерпретацию разделяют и авторы данной статьи. Как политическая доктрина революционных преобразований ленинизм неоднократно успешно использовался в XX в. в развивающихся странах и странах догоняющего развития, но он потерпел фиаско в государствах развитого капитализма.

Тот факт, что советская цивилизация сложилась после смерти Ленина, сам по себе порождает вопрос о том, в какой мере она соответствовала ленинским идеям. В советской философской и исторической литературе вопрос этот в таком виде не ставился. Было принято обсуждать близкую, но все же иную проблему – соответствия построенной в стране общественно-политической модели ленинскому учению. И она по-разному трактовалась в различные периоды истории СССР.

В годы сталинизма было провозглашено, что построенная тогда система и есть полное воплощение учения Ленина. Позже, во время “хрущевской оттепели” власти стали утверждать, что из-за культа личности И. Сталина в процессе строительства социализма в СССР произошли деформации, исказившие ленинскую модель. Этой точки зрения придерживался и академик А. Сахаров, который в своем знаменитом эссе “Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе” 1968 г. писал: “Национальные проблемы будут долго служить причиной волнений и недовольства, если не признать и не проанализировать все имевшие место отклонения от ленинских принципов и не взять твердый курс на исправление всех ошибок” [Сахаров 1991, с. 35].

Позднее, в период застоя руководство страны во главе с Л. Брежневым по существу снова вернулось к сталинской версии, но в несколько иной интерпретации. “Ошибки” Сталина признавались, но о деформациях, исказивших суть социализма, предпочитали говорить вскользь. И лишь в годы горбачевской перестройки “реальный социализм”, то есть тот, что существовал в Советском Союзе, стали противопоставлять ленинской, не реализованной на практике, модели социализма, которая им, согласно новой трактовке, виделась исключительно как демократическая.

Постановка задачи исследования

В эпоху СССР термин “советская цивилизация” широко использовался, однако не имел строго научного определения. Он применялся, скорее, как идеологическое клише, призванное подчеркнуть коренное отличие советского общественного строя от всей предыдущей истории человечества с ее различными формами общественного устройства, организацией экономической жизни, институтами, ценностями и др.

В этом контексте уместно упомянуть доклад генерального секретаря ЦК КПСС Л. Брежнева “Великий Октябрь и прогресс человечества”, с которым он выступил в 1977 г. на торжественном заседании, посвященном 60-летнему юбилею Октябрьской революции. В докладе всемирно-историческое значение революции 1917 г. сведено прежде всего к тому, что “она открыла путь к... созданию на земле нового типа цивилизации”, и в наиболее систематизированном виде изложены основные характеристики такой цивилизации [Брежнев 1977]. Но это не были реальные особенности советской цивилизации, а идеологизированные представления о том, как она должна была выглядеть в общественном сознании (власть трудящихся, свобода и демократия, добросовестный труд и дисциплина). К важнейшим ее чертам были отнесены и достижения модернизации СССР, которые неправомерно интерпретировать как базовые характеристики новой цивилизации, поскольку на самом деле они отражают успехи страны догоняющего развития в ходе ее радикального обновления.

Все это указывает на необходимость для дальнейшего анализа, разделения понятий “советская общественная модель (строй)” и “советская цивилизация”. А для этого нужно определиться с самим понятием “цивилизация”. Несмотря на то, что в литературе оно имеет множество дефиниций, в большинстве из них присутствует нечто общее, объединяющее. По нашему мнению, понятие цивилизации охватывает “как стадию развития человеческого общества, так и позиционирование человека в окружающем его мире, характерное для различных обществ и их групп, систему ценностей и приоритетов, определяемых

этим позиционированием” [Малашенко, Нисневич, Рябов 2019, с. 18]. Иными словами, цивилизация – это не только уровень материального, технико-технологического развития, не только экономические, социальные и политические институты (в решающей степени определяющие суть общественной модели), это еще и их влияние на человека, его миро-воззрение и культуру, на отношение к жизни.

Принципиально важно отметить, что в отличие от всех предыдущих цивилизаций, когда-либо существовавших на земле и сформировавшихся естественно-историческим путем, советская цивилизация носила проектный характер. Она стала итогом попытки воплощения специально разработанного социального проекта. Правда, результаты воплощения этого проекта радикально отличались от замыслов его инициаторов, что в значительной мере и порождает упомянутую выше проблему искажения первоначальной идеи, положенной в его основание.

В этой связи перед исследователем возникают две задачи. Во-первых, попытаться охарактеризовать изначальный замысел проекта советской цивилизации, очистив его от последующих идеологических наслоений. Во-вторых, описать ее как целостную социокультурную реальность со своими основными противоречиями. Это и поможет реализовать цель статьи – показать, в какой мере учение Ленина было воплощено в том, что было построено в СССР и принято называть “советской цивилизацией”.

Проблемы насилия и эксплуатации в советской цивилизации

Создатели советской цивилизации, начиная с Ленина, полагали, что основополагающий принцип ее построения, отличавший ее от всех обществ предыдущих эпох, – отсутствие эксплуатации человека человеком. Именно это открывало путь к социуму нового типа, основанному на свободе, равенстве, солидарности (братстве) и всеобщем счастье.

Поскольку социализм вслед за Марксом рассматривался Лениным и его последователями лишь как начальная стадия коммунистической формации (далее этой стадии строительство советской цивилизации, как известно, не пошло), то на этой стадии развития допускалось наличие “пережитков”, “родимых пятен” капитализма, таких как несознательность граждан, рецидивы индивидуализма и стяжательства. Борьбу с ними предполагалось вести отнюдь не методами убеждения и пропаганды, но в первую очередь насилем, которое систематически применялось советской властью не только по отношению к эксплуататорским классам, но и к трудящимся, включая и новый социальный “гегемон” – пролетариат. Целью этой борьбы провозглашалось формирование человека нового типа, который должен был стать социальной основой советской цивилизации.

В такой социально и технологически отсталой стране, как Россия, не знавшей демократической традиции, эта незрелость, неподготовленность социума к его новой роли чувствовалась особенно остро. Поэтому центральным элементом ленинского учения стала идея диктатуры пролетариата – власти, которая от его имени проводит политику, основанную на насилии. Эту особенность ленинизма в свое время точно охарактеризовал Н. Бердяев: “Сначала нужно пройти через муштровку, принуждение, через железную диктатуру сверху... Потом, говорит Ленин, люди привыкнут соблюдать элементарные условия общественности, приспособятся к новым условиям. Тогда уничтожится насилие над людьми, государство отомрет, диктатура кончится” [Бердяев 1990, с. 104–105].

Приоритетная роль насилия в процессе строительства нового общества на идейном уровне предопределялась также сильным влиянием на все поколения русских революционеров вольтеровской традиции Просвещения, которая отводила “первейшее место в деле улучшения социального порядка – формированию Нового Человека. При этом другой традиции Просвещения, делавшей упор на развитии институтов и концепции естественных прав человека, не уделялось должного внимания” [Жарков, Захаров, Рябов, Симон 2017, с. 5].

Однако насилие, которое в теории рассматривалось как временное явление, очень скоро на практике превратилось в одно из оснований новой цивилизации. Произошло это по двум причинам. Во-первых, появился новый правящий класс – номенклатура, “класс управляющих”. Как и для любого иного господствующего класса в истории насилие для него стало одним из основных способов сохранения и удержания власти: “Прямое насилие над недовольными и угроза его применения в отношении потенциальных противников” [Восленский 2005, с. 31, 111]. Во-вторых, сам проект новой цивилизации оказался настолько утопичен и противоречив, что для его реализации, разрешения острых внутренних противоречий потребовалась целенаправленная политика насилия со стороны государства. Как только насилие начинало ослабевать, кризисные и дезинтеграционные тенденции внутри советской цивилизации заметно усиливались.

Советская цивилизация не устранила эксплуатацию, не достигла социального равенства, а лишь создала его новую разновидность. Только эксплуатация не предшествовала разделению общества на классы, как это было в предшествующие эпохи, а стала результатом новой социальной стратификации. Монополярная власть Коммунистической партии и тотальное огосударствление экономики разделили общество на две мегагруппы – управляющих и управляемых. Для управляющих (номенклатуры) “было характерно сращивание законодательной и исполнительной, военной и гражданской, административной и судебной власти, слияние партийного и государственного аппарата...”, их господство «наиболее адекватно описывается не понятием “политическая власть”, а понятием “власть-собственность”», когда “власть имущие имеют право распоряжаться всем, чем они управляют” [Нуреев, Латов 2016, с. 133]. Таким образом, господство управляющих над управляемыми приобрело тотальный характер. У управляемых не оставалось пространства для автономной от государства гражданской, политической и хозяйственной деятельности.

Эксплуатация управляемых номенклатурой, тесно сросшейся с государством, осуществлялась через различные механизмы: бюджетное распределение доходов; систему явных и скрытых привилегий правящего слоя, включая доступ к дефицитным товарам и услугам; использование возможностей теневой экономики, которая не могла существовать без покровительства со стороны класса управляющих. Социальное неравенство существовало не только в экономической области, но и в общественно-политической сфере. Несмотря на то, что гражданские и политические права и свободы управляемых были закреплены в Конституции СССР и 1936, и 1977 гг., на самом деле они ограничивались тем, что «могут реализовываться “в соответствии с интересами трудящихся”» и политической практикой [Арон 1993, с. 95]. Любая политическая или гражданская инициатива, не согласованная с властями предрешающими, любое публичное декларирование идей, не совпадавших с официальной позицией партии-государства, жестко пресекались.

Следует отметить, что Ленин почувствовал угрозу отрыва новой правящей бюрократии от массы трудящихся и пытался как-то воспрепятствовать этому. В одной из своих последних заметок – “Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)” он порекомендовал усилить партийный и государственный контроль над бюрократией и для этого ввести в состав Центральной контрольной комиссии РКП(б) 75–100 новых членов из числа рабочих и крестьян [Ленин т. 45, с. 384]. Однако эта мера никак не могла затронуть природу господства новой бюрократии, заключавшуюся в огосударствлении экономики и монополии на власть Коммунистической партии.

Такая особенность советской цивилизации, как запрет на автономную от государства и несанкционированную им общественную и политическую деятельность, обусловила укоренение в сознании управляемых патерналистского сознания, утрату ими способности к защите собственных интересов, к принятию решений и самостоятельному действию. В конечном счете, все это стало мощным препятствием для перехода государств, образо-

вавшихся в результате распада Советского Союза, к современным моделям развития, основанным на свободной рыночной экономике и демократии. В постсоветских государствах, несмотря на разнообразие экономических систем и политических режимов, некоторые из которых можно охарактеризовать как электоральные демократии (Грузия, Молдова, Украина), по-прежнему сохраняется деление обществ на управляющих и управляемых. Смена власти, там, где она происходит, не ведет к перемене политического курса, а означает замену одной группы управляющих на другую. Незыблемой остается и политэкономическая основа постсоветских порядков – институт неразделенной власти-собственности. В итоге страны, образовавшиеся в результате распада СССР, стагнируют в своем развитии. Они “застряли” в процессе перехода от советской системы к современному капитализму [Balint 2019].

Проблемы коллективизма (братства), свободы и всеобщего счастья в советской цивилизации

Для Ленина социализм в отличие от предшествующих формаций был результатом сознательного свободного социального творчества трудящихся, прежде всего рабочего класса. Как он сказал в заключительном слове к Докладу о мире на Втором всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 25–26 октября (7–8 ноября) 1917 г.: “Государство (социалистическое. – Ю.Н., А.Р.) сильно сознательностью масс. Оно сильно, когда массы все знают, обо всем могут судить, и идут на все сознательно” [Ленин т. 35, с. 21]. В представлении Ленина сознательность была тесно связана со свободой выбора, которая становится возможной в результате освобождения труда от капиталистической эксплуатации.

Свободный труд, идеальной формой организации которого Ленину виделся коллективный труд на крупных промышленных предприятиях, рассматривался им как основа социализма. В работе “Великий почин” он писал, что “коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится, и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине” [Ленин т. 39, с. 14]. В этой апологетике коллективного труда на промышленных предприятиях зримо ощущается абсолютизация индустриальной эпохи, воспринимавшейся многими социальными и политическими мыслителями того времени, включая и Ленина, как наиболее совершенная форма рационализма применительно к организации общества. Однако, как показало последующее развитие человечества, эта форма организации труда исторически преходяща. С утверждением нового технологического уклада и возникновением экономики услуг появились новые, более совершенные с точки зрения раскрепощения человека, раскрытия его творческих способностей, формы организации труда.

Но одновременно апологетика коллективного труда выполняла и другую важнейшую функцию – для Ленина и его сторонников она обосновывала безусловный приоритет коллективных интересов над частными, индивидуалистическими. Таким образом, с точки зрения Ленина, освобожденный от частнокапиталистической эксплуатации труд, сознательность и свобода выбора образовывали “социальный остов” нового общества. Они же должны были сформировать неотъемлемые особенности советской цивилизации – свободу и братство людей нового типа, составляющих ее социальную основу.

Но так планировалось в теории. На практике же произошло по-иному. Надежды на то, что освобождение трудящихся от частнокапиталистической эксплуатации приведет к росту их сознательности и превращению ее в главный фактор социального развития, не оправдались уже в первые месяцы после большевистской революции. После того, как владельцы предприятий их покидали, рабочие трудились без усердия, участвовали в прогулах и воровстве. Поэтому новая организация труда и коллективизм искусственно на-

саждались сверху советским государством с помощью широкого арсенала средств – от пропагандистских до административных и репрессивных. В отличие от Ленина-мыслителя, надеявшегося на гигантский преобразовательный потенциал свободного труженика, Ленин-политик, по словам Бердяева, “не верил в человека, не признавал в нем никакого внутреннего начала, не верил в дух и свободу духа” [Бердяев 1990, с. 105].

Поэтому советская власть сразу же после “завершения серии исторических переворотов 1914–1917–1921 годов”, используя «человеческий, “антропологический” результат этого мучительного процесса – массового, маргинального, отчаявшегося и вкусившего крови человека без моральных и культурных берегов», начала посредством идеологической дрессуры и властного принуждения формировать нового человека, который впоследствии получил «кодово-песенное наименование “советского простого человека”» [Левада, Ноткина 1989]. Такого массового “советского человека”, которого советская власть начала формировать как свою социальную опору, русский философ С. Булгаков описал следующим образом: «...“товарищи” кажутся мне иногда существами, вовсе лишенными духа и обладающими только низшими душевными способностями, особой разновидностью дарвиновских обезьян – homo socialisticus» [Булгаков 1918]. Термин Булгакова “homo socialisticus” позднее трансформировался в широко известный термин “homo sovieticus”.

Когда советский социализм, уже при Сталине, сложился в завершённую систему, доминирование коллективизма на производстве и в общественно-политической жизни поддерживалось и воспроизводилось самой природой советской системы, в которой государство одновременно было практически единственным собственником, работодателем, источником правовых норм и “производителем” ценностей и смыслов. Считалось, что это – сознательный коллективизм свободных тружеников. Но на самом деле он не мог быть таким. Модернизация страны в том виде, в котором она происходила, сопровождалась уничтожением старых классов, это приводило к чрезвычайному дроблению общества. Как писала Х. Арендт – одна из основоположников концепции тоталитаризма, которую она, на наш взгляд, совершенно оправданно применяла и к советскому социализму 30-х–40-х годов прошлого века, “социальная атомизация и крайняя индивидуализация предшествовали массовым движениям” [Арендт 1996, с. 421]. В ее трактовке возникший социальный феномен был вовсе не коллективизмом, а массовидностью: “Истина в том, что массы выросли из осколков чрезвычайно атомизированного общества, конкуренция структур которого и сопутствующее ей одиночество индивидов сдерживались лишь его включенностью в класс”. Главная черта человека массы – “его изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений” [Арендт 1996, с. 422].

Массовидность представляет собой ключевую типологическую характеристику советского человека, которого «приучали (и приучили!) равняться на “всех”, на молчаливо послушное или по приказу беснующееся большинство, довольствоваться минимально малым во всем, уповать на милостивую заботу власти и ненавидеть любых возмутителей спокойствия, всех, кто “гонит волну”. Его научили отречься от родных, близких и самого себя. Его научили трепетать и шагать в ногу» [Левада, Ноткина 1989]. Массовидность – следствие слабости и подавленности индивидуального начала в человеке и общественном самосознании, основанных на идеологизированных постулатах типа “общественные интересы выше личных”, “большинство всегда право” и им подобных.

Однако насаждение коллективных форм труда и социальной организации на самом деле не вело к укреплению горизонтальных связей между рабочими, сложившихся еще в эпоху капитализма в процессе отстаивания их интересов: “Стахановское движение, введенное в трудовую практику страны в начале 30-х гг. XX столетия, подорвало классовую солидарность рабочих, внедрив в их ряды безжалостную конкуренцию и создав искусственный привилегированный слой рабочей аристократии” [Мальшев 2010, с. 314]. Коллективизм мог существовать только при организующей роли государственного

начала. Поэтому не случайно, что в конце 1980-х и особенно начале 1990-х гг., когда начался демонтаж социализма, рабочие промышленных предприятий, официально считавшиеся руководящей силой советского общества, оказались совершенно не способными к коллективным действиям, направленным на защиту своих классовых интересов. Они совершенно спокойно взирали на то, как администрация, а затем и новые хозяева их заводов и фабрик, вывозят из них оборудование, распродают помещения и даже отказываются платить заработную плату работникам. Лишенный организующей партийно-государственной воли по отношению к нему, предоставленный самому себе, советский рабочий класс превратился в сообщество атомизированных индивидов, выстраивавших стратегию индивидуального выживания.

При этом коллективный энтузиазм периода сталинской индустриализации не должен порождать иллюзии по поводу его естественного характера. Сталинская модернизация не оставляла миллионам сельских жителей, составлявших основную часть населения СССР, реального выбора. Либо рабский труд и постоянная борьба за выживание в аграрном секторе, существенно разрушенном с уничтожением кулачества, либо перспективы улучшения материальных условий жизни и продвижения по социальной лестнице в промышленном городе. Надежды на эту новую жизнь и порождали энтузиазм. Но он не мог быть долговечным. В дальнейшем по мере урбанизации страны, удовлетворения первичных потребностей населения, закрытия социальных лифтов в обществе источники энтузиазма иссякли.

Таким образом, достижение братства в результате развития коллективных форм социальной организации, сознательного свободного труда рабочих и крестьян, оказалось недостижимой целью советской цивилизации. Труд так и не стал свободным и сознательным, а вместо коллективизма возобладали массовидность.

При советском социализме коллективизм всегда противопоставлялся индивидуализму с его эгоистическими частными интересами, которые в 1930-е–1940-е гг. активно подавлялись и преследовались. Для советского человека «самым страшным из смертных грехов неизменно считался “индивидуализм”, иначе говоря, любая попытка сознавать себя свободным и ответственным человеком» [Левада, Ноткина 1989].

Однако в ходе начавшегося в 1950-е гг. процесса создания в Советском Союзе общества потребления, который сопровождался массовым строительством индивидуальных квартир, развитием производства товаров массового спроса, приоритет коллективных интересов над частными стал разрушаться. Примечательно, что эта политика была инициирована руководством КПСС, ошибочно полагавшим, будто рост материального благосостояния народа в условиях сохранения существовавшей тогда общественной системы укрепит его власть и социальный порядок, установленный в стране. Однако усиление влияния частных интересов стало мощным “детонатором”, подрывавшим не только идеологические, но и социально-экономические основы советской цивилизации, в частности стимулируя развитие “теневого бизнеса” с характерным для нее нелегальным бизнесом и социальными группами, являвшимися его бенефициарами. При этом произвести разнообразные товары массового спроса в достаточном количестве советская государственная экономика оказалась хронически не способной.

Таким образом, история советской цивилизации показала, что она может существовать только в условиях слаборазвитых или подавленных частных интересов. Как только баланс между коллективными (а на самом деле государством) и частными интересами менялся в пользу последних, начинался процесс разрушения советской цивилизации. Примечательно, что идеологические последователи советских коммунистов в отличие от них поняли эту закономерность. Это отчетливо проявилось в истории некоторых азиатских государств, находившихся под властью коммунистов – в Северной Корее (КНДР) и полпотовской Кампучии, где развитие частных интересов не только сознательно сдер-

живалось, но и жестоко подавлялось. Так, в четырехлетнем плане построения социализма ЦК Коммунистической партии Кампучии в качестве негативного примера “указывалось, что и Северная Корея еще полностью не освободилась от капиталистических явлений, под которыми подразумевалась, например, приватность семейной жизни” [Самородный 2013, с. 177].

В процессе строительства новой цивилизации произошла и радикальная трансформация понятия “свобода”, которая перестала трактоваться как сознательный самостоятельный выбор. Свободу стали интерпретировать как “познанную необходимость”, то есть как сознательное подчинение индивида внешней по отношению к нему воле. В условиях СССР обладателем такой воли было государство и сросшаяся с ним КПСС, от которых полностью зависело целеполагание развития. Но поскольку далеко не все граждане оказались готовыми к сознательному и безусловному подчинению своих интересов государству, подчинение несогласных стало осуществляться посредством систематического насилия. Так на практике свобода фактически превратилась в свою противоположность – рабство, что было точно подмечено Д. Оруэллом в его знаменитом романе-антиутопии “1984” [Оруэлл 1989, с. 24].

Поэтому свобода стала не только недостижимой целью, но и своего рода антиподом советской цивилизации. К тому же советское государство целенаправленно уничтожало и экономическую основу свободы граждан, запретив независимую от государства хозяйственную деятельность индивида. Однако по мере расширения сферы частных интересов в ходе складывания общества потребления объективно расширялись возможности для возрождения общественного запроса на свободу выбора, который поначалу формировался как запрос на свободу потребительского выбора. Но такое понимание явно противоречило трактовке свободы как познанной необходимости.

Создатели советской цивилизации исходили как из само собой разумеющегося, что новое общество, основанное на освобожденном труде, сознательной дисциплине и творчестве обеспечит его гражданам счастье. Поэтому онтологические проблемы, с которыми сталкивалось человечество на протяжении всей его истории и на которые искали ответ все предшествующие цивилизации (такие, как конечность человеческого существования, отношение к человеческим порокам, природа любви и ненависти, веры и безверия), либо казались несущественными для советской цивилизации (смертность), либо объявлялись пережитками, “родимыми пятнами” капитализма (человеческие пороки).

Например, советские идеологи отвергли философию общего дела Н. Федорова, включавшую в себя идею воскрешения предков. “В период с конца 1920-х гг. и до 1940-х гг. под давлением советской идеологии и власти философия Николая Федорова вытесняется из социокультурного пространства СССР, причем зачастую физическим способом – путем ареста наиболее видных ее сторонников” [Барановский 2017, с. 150]. Один из крупнейших представителей этого направления в философии – Н. Сетницкий, не принимавший идею фатальности смерти человечества [Горский, Сетницкий 1995, с. 337] и не понимавший, почему большевики, провозгласившие своей целью достижение всеобщего счастья, отказывались решать проблему смертности людей, которая делала счастье неполным, был расстрелян в 1937 г. как “враг народа”.

Проблему конечности человеческого существования создатели советской цивилизации пробовали решать по-своему: они объявляли счастьем труд на благо будущих поколений. Однако этот идеологический посыл был полностью опровергнут уже в годы застоя, когда движущим мотивом все большего числа советских людей становилась не работа на “светлое будущее”, а личное потребление. Падение советской системы в 1991 г. и оказалось потому столь легким, ибо это была революция потребителей, уставших от неспособности социалистической системы удовлетворить их растущие запросы [Аузан 2015].

Социалистическая цивилизация пыталась достигнуть всеобщего счастья, сводя проблемы несовершенства человеческой личности к пережиткам капитализма, игнорируя сложные проблемы ее внутреннего развития и отношений с другими индивидами. Очень точно выявил эту особенность чешский писатель М. Кундера в своем знаменитом романе “Невыносимая легкость бытия”. По его выражению, “эстетическим идеалом категорического согласия с бытием есть мир, в котором г... отвергнуто и все ведут себя так, словно его не существует вовсе. Этот эстетический идеал называется кич”, а одну из главных героинь романа “отвращала... не столько уродливость коммунистического мира (уничтоженные замки, превращенные в коровники), сколько та маска красоты, которую он надевал на себя, иными словами коммунистический кич” [Кундера 2008, с. 276–277]. Чтобы создать впечатление всеобщего счастья, создавалась иллюзорная картина окружающего социалистического мира, в котором свободные труженики радуются своим успехам в труде, творчестве, науке, спорте. Важнейшим инструментом формирования такой картины в 1930-е–1940-е гг. стало искусство социалистического реализма, сохранившего свое влияние и в более поздний период.

* * *

Реализация грандиозных замыслов создания абсолютно новой советской цивилизации, основанной на принципах социального равенства, свободы, братства и достижения всеобщего счастья с самого начала подверглась кардинальной корректировке, столкнувшись с несовершенством человеческой природы и с неразвитостью тогдашней России. Отсутствие влиятельной демократической и либеральной традиции, низкий уровень общей культуры населения, архаичность массового сознания стали непреодолимым препятствием на пути создания такой цивилизации, при которой могут быть решены все ключевые проблемы человечества. Вместо нее возникло общество, основанное на несвободе, принуждении, полном подчинении индивида государству, правящий класс которого, тем не менее, старательно создавал у его граждан иллюзию всеобщего счастья.

К концу жизни Ленин, сыгравший огромную историческую роль в создании фундамента этой вовсе не гуманной и не процветающей цивилизации, и сам осознал нереальность своих первоначальных идей. Однако по его отрывочным заметкам и записям последних лет чрезвычайно трудно судить о том, что он намеревался делать с явно незадавшимся проектом – отложить его осуществление на неопределенно далекий срок или же подвергнуть существенной корректировке и доработке.

Хотя советская цивилизация и потерпела историческое фиаско, извратив принципы свободы, равенства и братства и создав условия для жизни, далекие от “всеобщего счастья”, но она сумела оставить существенное социальное наследие – советского человека, который и до настоящего времени составляет массовую типологическую основу обществ в ряде постсоветских государств. А это оказывает существенное влияние на идущие в них политические процессы.

Советская партийно-государственная машина властного принуждения и идеологического подавления породила “социального Франкенштейна” – “советского простого человека”, которого отличают: желание не выделяться и быть “как все”; агрессивная нетерпимость к любой инаковости; пассивная самодостаточность в сочетании с чувством собственного превосходства; вседозволенность и неумное стремление к материальным благам. Ему также свойственны: приспособляемость, основанная на двоемыслии по Оруэллу [Оруэлл 1989, с. 41]; примитивное мировоззрение, исходящее из принципа “свой – чужой”; предпочтение эгалитаризма по-советски как “равенства в нищете”, порождающего “черную” злобную зависть к окружающим; поведенческий стереотип закомплексованного недоросля и приверженность к патерналистскому государству [Нисневич 2018].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт Х. (1996) Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом.
- Арон Р. (1993) Демократия и тоталитаризм. М.: Текст.
- Аузан А.А. (2015) Перестройка: 30 лет антидефицитной революции // Forbes. 12 мая (<https://www.forbes.ru/mneniya/istotiya/288117-perestroika-30-let-antidefetsitnoi-revoljutsii>).
- Барановский Д.В. (2017) Философия общего дела в СССР в 1940–1960-е годы: причины возрождения интереса и направления развития // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 18. Вып. 4. С. 149–156.
- Бердяев Н.А. (1990) Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука.
- Брежнев Л.И. (1977) Великий Октябрь и прогресс человечества. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1977 года. Раздел I. Советский Союз в авангарде социального прогресса (<http://inbooks.in/mirror8.ru/?p=117271>).
- Булгаков С.Н. (2018) На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // “Из глубины”. М.: Электронная библиотека “Веги” (<http://www.vehi.net/bulgakov/napirubogov.html>).
- Восленский М. (2005) Номенклатура. М.: Захаров.
- Горский А.К., Сетницкий Н.А. (1995) Сочинения. М.: Раритет.
- Жарков В., Захаров А., Рябов А., Симон М. (2017) Русская революция 1917 года для нашей страны и мира: Взгляд сто лет спустя. Доклад. М.: Горбачев-Фонд (<http://www.gorby.ru/userfiles/file/doklad.pdf>).
- Кундера М. (2008) Невыносимая легкость бытия. СПб.: Издательский дом “Азбука-классика”.
- Левада Ю.А., Ноткина Т.А. (1989) “Мера всех вещей” // В человеческом измерении: Выйти из королевства кривых зеркал. Демографический иск. Институты для людей или люди для институтов? М.: Прогресс (<http://www.agitclub.ru/gorby/homosovet/levada89.htm>). С. 11–24.
- Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. Т.35, 39, 45. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. (2019) Становление постиндустриальной цивилизации: от цифровизации до варварства. М.: Юрайт.
- Малышев М.А. (2010) Концепция тоталитаризма в творчестве Ханны Арендт // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. С. 297–328.
- Нисневич Ю.А. (2018) Восстание советских масс: политико-антропологический анализ // Общественные науки и современности. №2. С. 127–139.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2016) Экономическая история России (опыт институционального анализа). М.: КНОРУС.
- Оруэлл Дж. (1989) “1984” и эссе разных лет. М.: Прогресс.
- Самородный О. (2013) Пол Пот. Камбоджа – империя на костях? М.: Алгоритм.
- Сахаров А.Д. (1991) Тревоги и надежды. М.: “Интер-Версо”.
- Сталин И.В. (1946) Об основах ленинизма // Сталин И.В. Сочинения в 13 томах. Т. 6. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 69–188.
- Balint M. (Ed.) (2019) *Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes*. Budapest–New York: CEU-Press.

REFERENCES

- Arendt H. (1996) *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. Moscow: TsentrKom.
- Aron R. (1993) *Demokratiya i totalitarizm* [Démocratie et Totalitarisme]. Moscow: Tekst.
- Auzan A.A. (2015) Perestroika: 30 let antidefetsitnoi revoljutsii [Perestroika: 30 Years of the Anti-Deficit Revolution]. *Forbes*. 12 may (<https://www.forbes.ru/mneniya/istotiya/288117-perestroika-30-let-antidefetsitnoi-revoljutsii>).
- Balint M. (Ed.) (2019) *Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes*. Budapest–New York: CEU-Press.
- Baranovskii D.V. (2017) *Filosofia obshchego dela v SSSR v 1940–1960-e gody: prichiny vrozozhdeniya interesa i napravleniya razvitiya* [The Philosophy of the Common Cause in the USSR in the 1940–1960s: The Reasons for the Revival of Interest and the Direction of Development]. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, vol. 18, is. 4, pp.149–156.

- Berdiaev N.A. (1990) *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow: Nauka.
- Brezhnev L.I. (1977) *Velikii Oktiabr' i progress chelovechestva* [The Great October and the Progress of Humanity]. Doklad na sovместnom torzhestvennom zasedanii Tsentral'nogo Komiteta KPSS, Verkhovnogo Soveta SSSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR v Kremlevskom Dvortse s"ezdov 2 noiabria 1977 goda. Razdel I. Sovetskii Soiuz v avangarde sotsial'nogo progressa (<http://inbooks.in/mirror8.ru/?p=117271>).
- Bulgakov S.N. (1918) *Na piru bogov. Pro i contra. Sovremennye dialogi* [At the Feast of the Gods. Pro and contra. Modern Dialogs]. "Iz glubiny". Moscow: Elektronnaia biblioteka "Vekhi" (<http://www.vehi.net/bulgakov/napirubogov.html>).
- Gorskii A.K., Setnitskii N.A. (1995) *Sochineniia* [Works]. Moscow: Raritet.
- Kundera M. (2008) *Nevynosimaia legkost' bytiia* [The Unbearable Lightness of Being]. St.-Petersburg: Izdatel'skii dom "Azbuca-klassika".
- Lenin V. I. *Pol. sobr. soch.v 55 tomakh* [Complete Works in 55 vols.], v. 35, 39, 45. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- Levada Iu.A., Notkina T.A. (1989) *Mera vseh veshchei* [Measure of All Things]. *V chelovecheskom izmerenii: Vyiti iz korolevstva krivykh zerkal. Demograficheskii isk. Instituty dlya liudei ili liudi dlya institutov?* [In the Human Dimension: Exit the Kingdom of Distorted Mirrors. Demographic Lawsuit. Institutions for People or People for Institutions?]. Moscow: Progress, pp. 11–24 (<http://www.agitclub.ru/gorby/homosovet/levada89.htm>).
- Malashenko A.V., Nisnevich Yu.A., Riabov A.V. (2019) *Stanovlenie postindustrial'noy tsivilizatsii: ot tsifrovizatsii do varvarstva* [The Emergence of Post-Industrial Civilization: from Digitalization to Barbarism]. Moscow: Iurait.
- Malyshev M.A. (2010) *Kontseptsiya totalitarizma v tvorchestve Hannah Arendt* [The Concept of Totalitarianism in the Works of Hannah Arendt]. *Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, pp. 297–328.
- Nisnevich Yu.A. (2018) *Vosstanie sovetskikh mass: politiko-antropologicheskii analiz* [Revolt of the Soviet Masses: Politico-Anthropological Analysis]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp.127–139.
- Nureev R.M., Latov Iu.V. (2016) *Ekonomicheskaya istoriya Rossii (opyt institutional'nogo analiza)* [The Economic History of Russia (The Experience of Institutional Analysis)]. Moscow: KNORUS.
- Orwell G. (1989) *"1984" i esse raznykh let* ["1984" and Essays of Different Years]. Moscow: Progress.
- Sakharov A.D. (1991) *Trevogi i nadezhdy* [Anxiety and Hopes]. Moscow: "Inter-Verso".
- Samorodniy O. (2013) *Pol Pot. Kambodzha – imperiia na kostiakh?* [Pol Pot. Cambodia – an Empire on the Bones?] Moscow: Algoritm.
- Stalin I.V. (1946) *Ob osnovakh leninizma* [About the basics of Leninism]. Stalin I.V. *Sochineniia: v 13 tomakh*. [Works in 13 v.]. V. 6. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- Voslenskiy M. (2005) *Nomenklatura*. Moscow: Zakharov.
- Zharkov V., Zakharov A., Riabov A., Simon M. (2017) *Russkaia revoliutsiia 1917 goda dlya nashei strany i mira: Vzgljad sto let spustia* [The Russian Revolution of 1917 for our Country and the World: A look a hundred years later]. Moscow: Gorbachev-Fond (<http://www.gorby.ru/userfiles/file/doklad.pdf>).